За кулисами международной помощи Россіи.

Письмо изъ Женевы.

Центромъ вниманія политической жизни культурныхъ странъ всего міра въ настоящее время является вопросъ объ организаціи въ международномъ масштабѣ помощи голодающему населенію Россіи. Попытка осуществить эту помощь черезъ головы совѣтскаго правительства потерпѣла неудачу, а поѣздка въ Россію Нансена завершилась неожиданнымъ для всего читающаго міра фиаломъ — Нансенъ хлопочетъ о реализаціи для большевиковъ внѣшняго займа.

Эти событія представляютъ неразрѣшимую задачу для тѣхъ, тому неизвѣстны скрытыя пружины, приводящія въ дѣйствіе международный комитетъ Краснаго Креста. Для пониманія происходящаго передъ главами надо знать тѣхъ дѣятелей, которые въ теченіе ряда лѣтъ строятъ свою карьеру на бѣдствіяхъ русскихъ военноплѣнныхъ и бѣженцевъ, а нынѣ спекулируютъ на русскомъ голодѣ.

Карьеристы эти дѣйствуютъ скрытно, что отнюдь не уменьшаетъ ихъ вліянія. Человѣкъ незапятнанной репутаціи, маститый дѣятель Фритіофъ Нансенъ, конечно, только подъ вліяніемъ этихъ дѣльцовъ могъ оказаться въ ложномъ положеніи финансоваго маклера совѣтской власти.

Цѣль настоящей статьи— приподнять завѣсу, скрывающую отъ глазъ непосвященнаго наблюдателя организаціонныя особенности и сущность дѣятельности международнаго комитета Краснаго Креста и разоблачить готовящуюся спекуляцію на бѣдствіяхъ русскаго народа.

Прежде всего слѣдуетъ знать, что пышное названіе Международнаго Комитета Краснаго Креста, претендующаго на руководительство такими же организаціями странъ всего міра, прикрываетъ провинціальную швейцарскую организацію. Сохраняющій понынѣ свою силу учредительный статутъ этого учрежденія разрѣшаетъ вступленіе въ комитетъ исключительно швейцарскимъ гражданамъ, къ тому же еще — только уроженцамъ Женевскаго кантона.

Члены этого комитета, убѣленные сѣдинами старцы, питающіе самыя благія намѣренія, могли справляться съ кабинетнаго характера работой, какая требовалась отъ нихъ условіями международной жизни въ періодъ мира. Съ началомъ войны международный комитетъ Краснаго Креста приступилъ и къ практической дѣятельности, ограничившись, впрочемъ, организаціей обмѣна писемъ между военноплѣнными воюющихъ странъ и ихъ родными, а также розысками тѣхъ и другихъ по запросамъ обѣихъ сторонъ. Конечно, комитетъ въ то же время коллекціонировалъ всевозможныя правонарушенія, заявляемыя воюющими сторонами, и писалъ многочисленные протесты, въ большинствѣ — совершенно безрезультатные.

Предпринять что-либо, болѣе обширное по масштабу и по сущности своей — болѣе жизненное, комитетъ былъ не въ состояніи, и прежде всего потому, что не располагалъ для этого собственными матеріальными средствами. Комитетъ работалъ только за счетъ ассигнованій со стороны. Далѣе, престарѣлые члены комитета не могли найти въ себѣ достаточной энергіи и подвижности, необходимыхъ для живой работы. Предсѣдатель комитета, г. Адоръ, избранный на постъ президента Швейцарской республики, сложилъ всѣ дѣла по комитету на своего помощника, а во главѣ бюро по доставкѣ писемъ и розыскамъ стояла родственница предсѣдателя, г-жа Крамеръ.

Такую дѣятельность многіе признавали, — и совершенно основательно, — слишкомъ узкою для учрежденія съ тѣми претензіями, какія имѣлъ международный комитетъ. Не безъ ущерба для международнаго комитета, дѣятельность его сравнивали впослѣдствіи съ плодотворной работой американской организаціи помощи, которая, съ Гуверомъ во главѣ, кормила и одѣвала милліоны голодающихъ, призрѣвала дѣтей, стариковъ и женщинъ въ потерпѣвшихъ отъ войны странахъ.

Были и конкретныя предложенія реформировать международный комитетъ и превратить его въ дѣйствительно международный авторитетный органъ, объединяющій красные кресты всѣхъ странъ.

Такъ, секція швейцарскаго краснаго креста Ваадскаго кантона внесла соотвѣтствующее заявленіе въ комитетъ, но это учрежденіе, съ чисто швейцарскою эгоистическою узостью отказалось даже поставить заявленіе на обсужденіе. Стремленіе удержать за собою руководящую роль взяло верхъ надъ желаніемъ быть полезными страждущему человѣчеству, и Ваадской секціи былъ посланъ безапелляціонно отрицательный отвѣтъ.

Къ концу войны въ международномъ комитетѣ краснаго креста появляется и начинаетъ играть видную роль швейцарскій гражданинъ, г. Фрикъ, сравнительно еще молодой, не лишенный энергіи человѣкъ, занявшій амплуа анатока Россіи. Г. Фрикъ, по окончаніи курса наукъ въ одномъ изъ швейцарскихъ университетовъ, отправился въ Россію и долгое время былъ тамъ воспитателемъ дѣтей въ семьѣ б. предсѣдателя Государственной Думы, М. В. Родзянко. Русскій языкъ г. Фрикъ за время пребыванія въ Россіи изучилъ, дѣйствительно, но этимъ и ограничилось его знакомство съ Россіей — стажъ воспитателя дѣтей, хотя бы и въ семьѣ виднаго общественно-политическаго дѣятеля Россіи, врядъ ли можно считать достаточнымъ для ознакомленія съ громадной и столь отличной отъ Европы страной.

Добрыя отношенія къ предсѣдателю комитета, завершенныя женитьбой на упомянутой выше его родственницѣ, m-lle Крамеръ, дали г. Фрикъ возможность сдѣлаться вліятельнѣйшимъ работникомъ въ комитетѣ, членомъ котораго онъ не могъ быть, не будучи уроженцемъ Женевскаго кантона.

Работая въ комитетѣ, какъ спеціалистъ по русскимъ дѣламъ, г. Фрикъ проявилъ полное непониманіе происходившихъ въ Россіи событій и многократно самымъ убѣдительнымъ образомъ доказалъ свою некомпетентность въ русскихъ дѣлахъ.

По окончаніи великой міровой войны международный комитетъ остался не у дѣлъ, такъ какъ военноплѣнные возвращались на родину, и переписка ихъ съ родными, а также взаимныя розыски, прекратились.

Чтобы продолжить работу комитета въ прежнемъ, а, можетъ быть, даже и увеличенномъ, масштабѣ, при участіи г. Фрика было рѣшено возбудить ходатайство о порученіи комитету дѣла попеченія о русскихъ военноплѣнныхъ, погибавшихъ въ Германіи. Послѣ заключенія между совѣтскимъ правительствомъ и Германіей Брестскаго мира государства Антанты не проявляли должной отзывчивости къ страдающимъ въ германскомъ плѣну ни въ чемъ неповиннымъ русскимъ людямъ.

Командированный въ Парижъ г. Фрикъ тщетно старался монополизировать въ рукахъ международнаго комитета все дѣло помощи русскимъ военноплѣннымъ, представивъ Верховному Союзному Совѣту фантастическій планъ о питаніи русскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи продовольственными припасами, которые г. Фрикъ разсчитывалъ закупать на Украинѣ.

Ему удалось добиться отъ французовъ ассигнованія въ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ на организацію особой экспедиціи международнаго комитета Краснаго Креста для обслѣдованія мѣстъ концентраціи военноплѣнныхъ и изысканія путей для намѣчаемой ихъ репатріаціи. Набравъ въ свою миссію большой персоналъ делегатовъ и секретарей изъ безработныхъ швейцарцевъ, представителей главнымъ образомъ швейцарской „аристократіи", г. Фрикъ въ спеціальномъ поѣздѣ и съ большой помпой совершалъ свое путешествіе по центральной и восточной Европѣ, разсылая повсюду интервью, устраивая банкеты и пріемы съ шампанскимъ и выставляя себя и свою организацію въ благородной роли избавителей русскихъ военноплѣнныхъ. Этимъ дѣло и ограничилось, такъ какъ деньги скоро оказались истраченными, а новыхъ ассигнованій противъ ожиданія не послѣдовало.

Въ то же время американская организація помощи, не ожидая результатовъ предпринятаго г. Фрикомъ обслѣдованія, двинула въ Германію поѣзда съ одеждою и продовольствіемъ и начала кормить и одѣвать военноплѣнныхъ.

Тогда г. Фрикъ вступаетъ въ сношенія съ петлюровскими организаціями и добивается отпуска крупныхъ средствъ на организацію помощи спеціально уроженцамъ южныхъ губерній. Съ большой помпой г. Фрикъ ѣдитъ въ различные пункты концентраціи украинцевъ и произноситъ всюду громкія рѣчи. Весь этотъ блеффъ заканчивается проэктомъ репатріаціи 60.000 человѣкъ украинцевъ, распропагандированныхъ въ рѣзко сепаратическомъ духѣ агентами Петлюры, въ тылъ арміи ген. Деникина.

Проэктъ этотъ былъ по счастью отвергнутъ, и до сихъ поръ остается неяснымъ, чѣмъ въ данномъ случаѣ руководствовался г. Фрикъ. Возможно, что онъ имѣлъ въ виду, въ благодарность за щедрое субсидированіе, оказать содѣйствіе Петлюрѣ, арміи котораго страдали отъ недостатка въ живой силѣ.

Весьма вѣроятно и другое предположеніе, что г. Фрикъ игралъ въ руку большевикамъ и дѣйствовалъ подъ ихъ вліяніемъ, такъ какъ усиленіе войскъ Петлюры въ тылу у добровольцевъ поставило бы послѣднихъ въ большое затрудненіе.

Нельзя обойти молчаніемъ тѣхъ уловокъ, къ которымъ г. Фрикъ, какъ утверждали, прибѣгалъ для замаскированія движенія украинскихъ солдатъ. Поѣзда подавались для больныхъ, женщинъ, дѣтей и инвалидовъ и въ пунктѣ отправки, гдѣ существовалъ контроль, грузились соотвѣтствующимъ живымъ грузамъ. Затѣмъ, на одной изъ промежуточныхъ станцій, инвалидовъ выгружали, а въ вагоны садились здоровые украинцы и слѣдовали далѣе.

Весною текущаго года на международной конференціи помощи пострадавшимъ отъ войны дѣтямъ, выступая, какъ представитель международнаго комитета, г. Фрикъ высказался въ томъ смыслѣ, что вопросъ о дѣтяхъ русскихъ бѣженцевъ можетъ быть рѣшенъ однимъ только способомъ, именно отправкою ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ родителями въ совѣтскую Россію.

Тенденція такого разрѣшенія вопроса о русскихъ бѣженцахъ продолжала держаться въ сферахъ международнаго комитета. Командированный комитетомъ для обслѣдованія положенія русскихъ бѣженцевъ въ балканскихъ странахъ англійскій генералъ Томсонъ представилъ комитету докладъ, въ которомъ предлагалъ то же рѣшеніе. Примитивная логика къ докладѣ браваго генерала заключалась въ слѣдующемъ: съ одной стороны имѣется русская территорія и господствующая надъ нею русская власть; съ другой стороны—масса русскихъ людей, причиняющихъ всѣмъ много хлопотъ и издержекъ. Логическій выходъ изъ положенія—незамедлительная отправка русскихъ людей на русскую территорію въ распоряженіе благопопечительной русской власти.

Велика рознь между россіянами, представителями разныхъ политическихъ теченій и общественныхъ организацій. Но всѣ они возмутились безчеловѣчнымъ предложеніемъ г. Фрика и общими единодушными усиліями заставили этотъ проэктъ отклонить.

Начало совмѣстной работы Нансена съ г. Фрикомъ относится къ тому моменту, когда, въ результатѣ переговоровъ въ Версалѣ, Нансенъ былъ назначенъ верховнымъ комиссаромъ по возвращенію на родину бывшихъ русскихъ военноплѣнныхъ. Удачно использовавъ конъюнктуру момента, г. Фрикъ предложилъ Нансену воспользоваться якобы готовымъ уже аппаратомъ международнаго комитета и сумѣлъ склонить Нансена воспользоваться этимъ предложеніемъ.

Въ настоящее время г. Фрикъ является главнымъ помощникомъ Нансена по организаціи въ Россіи помощи голодающимъ. Въ прошлые времена совѣтскіе дѣятели проявляли къ г. Фрику сдержанную холодность и даже ставили ему препятствія, когда онъ неоднократно пытался проѣхать въ Россію, какъ представитель международнаго комитета. Переговоры объ этомъ съ самими Литвиновымъ и Гуковскимъ не дали ему желаемаго результата.

Нынѣ ледъ взломанъ, и большевики довѣрили г. Фрику защиту своихъ интересовъ.

Въ лицѣ Нансена и стоящаго за его спиной Фрика сосредоточено верховное завѣдываніе дѣлами русскихъ бѣженцевъ, съ одной стороны, и помощь голодающимъ въ Россіи съ другой.

Для бѣженцевъ такое совмѣстительство опасно, такъ какъ и Нансенъ, и г. Фрикъ, проникнуты духомъ примиренія въ отношеніи совѣтскаго правительства, т. е. той самой власти, которая создала институтъ русскихъ бѣженцевъ. Слѣдуетъ помнить, что проэктъ выдачи бѣженцевъ на растерзаніе звѣрямъ принадлежитъ прямолинейному въ своей логикѣ г. Фрику.

Принесетъ ли пользу дѣятельность Нансена и Фрика голодающему населенію Россіи, если помощь эта пойдетъ черезъ руки агентовъ развращенной совѣтской власти, и будетъ ли разрѣшена эта помощь?

На этотъ вопросъ отвѣтъ дастъ недалекое будущее.

В.

Женева. *25/IX 1921 г.*

Изъ совѣтской печати.

„Предсѣдателемъ Р. В. С. Р. тов. Л. Троцкимъ изданъ приказъ No 261, разъясняющій Красной Арміи и Красному Флоту смыслъ назначенія Нуланса предсѣдателемъ международной комиссіи имѣющей своей задачей, будто бы помощь голодающей Россіи".

(„Изв. 13 сент.).

Въ „Изв." отъ 13 сент. напечатано воззваніе къ военнымъ морякамъ:

„Т. т. моряки, - совѣтская власть поставила себѣ задачей — создать небольшой, но мощный, дисциплинированный флотъ". Далѣе въ воззваніи предписывается всѣмъ морякамъ явиться на регистрацію.

Въ „Изв." отъ 13 сент. напечатана статья г. Глуамана о хищеніяхъ продовольственныхъ грузовъ. Въ статьѣ говорится слѣдующее:

„Съ нашей охраной не все обстоитъ благополучно... Стоитъ просмотрѣть любое дѣло въ трибуналѣ, чтобы убѣдиться, что за рѣдкими исключеніями почти въ каждомъ, въ качествѣ подсудимыхъ по хищенію грузовъ фигурируютъ агенты охраны, наносящіе республикѣ огромный вредъ".

Михаилъ.

Архангелъ въ сіяющихъ латахъ
И съ краснымъ мечомъ изъ огня
Стоялъ на клубахъ синеватыхъ
И дивно глядѣлъ на меня.

Порой въ алтарѣ онъ скрывался,
Свѣтился на двери косой —
И снова народу являлся,
Большой, по колѣна босой.

Ребенокъ, я думалъ о Богѣ,
А видѣлъ лишь кудри до плечъ
Да крупныя бурыя ноги,
Да римскія латы и мечъ.

Духъ гнѣва, возмездія, кары!
Я помню тебя, Михаилъ,
И храмъ этотъ, темный и старый,
Гдѣ ты мое сердце плѣнилъ!

Ив. Бунинъ.

„Красный Петроградъ".

Типы и картинки.

III.

Терioки. Карантинъ. 18-IX 1921.

У итальянскаго поэта и историка Артуро Графа есть недурная сказка, навѣянная „Бурею" Шекспира и ея продолженіями въ „Философскихъ драмахъ" Э. Ренана. Когда воцарившій Калибанъ побѣдилъ ученаго мудреца Просперо и захватилъ его герцогство, онъ осуществилъ въ странѣ приблизительно тотъ самый порядокъ, который въ современной Россіи зовется коммунистическимъ, а у народовъ, еще не постигнутыхъ массовымъ сумасшествіемъ... впрочемъ, оставимъ въ покоѣ эпитеты, — бумага не всякую правду терпитъ. Калибанъ-повелитель былъ очень доволенъ своимъ государствомъ, но находилъ, что ему не достаетъ культурныхъ красотъ — науки и искусства. Притомъ, старыя наука и искусство его не удовлетворяли и казались ему опасными, какъ наслѣдіе ненавистнаго Просперо, а новыхъ онъ, тупоголовый „сынъ чорта и колдуньи", немножко человѣкъ, немножко демонъ и очень много звѣрь, никакъ не могъ придумать и изобрѣсти. Наконецъ, его осѣнила идея, достойная такой головы: — Старыя музы изжили свой вѣкъ, эти нервныя, слабосильныя дѣвки нашему брату не годятся; но онѣ могутъ родить мнѣ дочерей — новыхъ музъ, которыя унаслѣдуютъ таланты и умъ матерей, а отъ меня — могучую первобытную натуру... И вотъ Калибанъ, захвативъ Кліо, Терпсихору, Полигимнію, Талію и пр., всѣхъ ихъ, по очереди, изнасиловалъ, и онѣ, дѣйствительно, родили дочерей — девять дѣвицъ, которыхъ торжествующій родитель провозгласилъ новыми совершенными музами. Но — увы! — расчеты его не оправдались. Природа зло подшутила. Дѣвицы, точно, вышли похожими и на отца, и на матерей, но — какъ разъ въ обратномъ ожиданіямъ порядкѣ: перепуганныя и истерзанныя насиліемъ, музы передали отъ себя только тѣлесную хилость, нервность и истеричность, а умомъ и дарованіями новыя музы уродились, какъ вылитыя, въ тупого двуногаго скота-насильника Калибана...

Сказка эта, написанная лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, какъ будто пророчила „культурно-просвѣтительную" работу русскаго коммунистическаго строя. Не знаю, была ли гдѣ либо и когда либо въ исторіи эпоха, которая больше кричала бы о потребности культурнаго строительства и въ которой весь этотъ декламативный крикъ разрѣшался бы въ болѣе жалкій бездарность, безсиліе, — въ каррикатуру и профанацію каждой отрасли и каждаго проявленія культуры, — при большей грубости и безстыдствѣ нравовъ. Разница со сказкою только та, что Калибанъ Артуро Графа, наблюдая свои порожденія, впалъ въ глубокое разочарованіе и грусть, а современные петроградскіе и московскіе Калибаны чрезвычайно много собою довольны и превесело дѣлятъ время между двумя пріятнѣйшими занятіями — самовосхваленіемъ и взаимовосхваленіемъ. И все — въ самомъ высокомъ тонѣ. Какъ сказалъ бы Гейне: „воробьи, держа въ когтикахъ двухкопеечныя свѣчки, корчатъ Зевсова орла." Претензіи огромныя, задачи гигантскія, — именно ужъ горы мучатся родами, чтобы родить... даже не мышей, а равнѣ блохъ, на мышахъ живущихъ! Прочтите „Фауста и городъ" наивнѣйшаго А. В. Луначарскаго (блаженъ мужъ Анатолій", звалъ его покойный Г. В. Плехановъ въ тѣ не особенно далекіе годы, когда А. В. упражнялся еще не въ богоборствѣ и разрушеніи религій, но, напротивъ, въ богостроительствѣ и бого искательствѣ). Эта кислосладкая и не всегда грамотная ребячья болтовня можетъ служить и типическимъ образцомъ, и идейнымъ символомъ творчества новыхъ русскихъ музъ, помѣси пролетарскаго Калибана съ буржуазною Мельпоменою.

Если бы подобную вещицу, четыре года тому назадъ, г. Луначарскій представилъ на просмотръ — не говорю уже въ литературно-театральный комитетъ, но даже въ редакцію толстаго, хотя бы и марксистскаго, журнала, она была бы встрѣчена тамъ гомерическимъ хохотомъ, какъ претенціозное бумагомаранье гимназиста четвертаго класса, которому преждевременно попали въ руки два первые тома „Капитала" (до третьяго не дошелъ). Но въ настоящее время г. Луначарскій, будучи отставленъ (за преступную мягкость характера и, всетаки, нѣкоторую ушибленность старою культурою) отъ всѣхъ политическихъ обязанностей и должностей, сдѣланъ, въ цѣляхъ компенсаціи и позволоты горькой пилюли, полновластнымъ распорядителемъ русскаго театральнаго дѣла. И вотъ такая ребячья ерунда, какъ „Фаустъ и городъ" не только ставится, съ огромными затратами, на сценахъ Государственныхъ Академическихъ (!) Театровъ (бывшихъ императорскихъ), но и воспѣвается хоромъ льстецовъ изъ примазавшагося къ власти актерства (къ сожалѣнію, не безъ крупныхъ именъ, — особенно, въ Москвѣ), какъ великое произведеніе. А пресловутый Стекловъ-Нахамкесъ объявилъ въ московскихъ „Извѣстіяхъ" громогласно на всю „красную Россію", что отнынѣ счастливая Совдепія обладаетъ своимъ собственнымъ Гёте; только нашъ, дескать, много почище, ибо старому Гете, веймарскому буржуазному стихотворцу, даже и во снѣ не снился такой „Фаустъ", какъ высидѣлъ его пролетарски вдохновенный поэтъ-комиссаръ Луначарскій!... Это то, пожалуй, вѣрно, что не снился!

Г. Гейне когда то, надѣваясь надъ хвастливою замашкою филистеровъ буржуазнѣйшаго Мюнхена, прославлялъ свой городъ, какъ „германскія Аѳины", разсказалъ, будто однажды онъ, увидавъ на улицѣ собаку съ обрубленнымъ хвостомъ, спросилъ мюнхенца, чья она, и получилъ важный отвѣтъ: — Это собака нашего Алкивіада!... — А гдѣ же самъ онъ, вашъ Алкивіадъ? — Видите ли, — объяснилъ невозмутимый мюнхенецъ, — Алкивіада мы никакъ не могли найти въ своей средѣ, такъ, покуда, хоть подыскали для него собаку и отрубили ей хвостъ... ну, а потомъ когда-нибудь, авось, подберемъ къ собакѣ и Алкивіада!

Это опять таки приходится, какъ „по Сенькѣ шапка", на ту возмутительную комедію-пародію, что разыгрывается въ столицахъ Совдепіи подъ хвастливымъ именемъ новой „пролетарской культуры". За исключеніемъ усерднѣйшаго склоненія существительнаго „пролетарій" и прилагательнаго „пролетарскій" безчисленными ораторами, при всякомъ удобномъ и недобномъ случаѣ, въ обоихъ числахъ и во всѣхъ падежахъ, ровно ничего культурно-„пролетарскаго" ни въ Петроградѣ, ни въ Москвѣ не возникло. А то, что сливетъ „пролетарскимъ", является жалкимъ и извращеннымъ подражаніемъ и послѣдованіемъ той самой буржуазной культурѣ, которую новая пролетарская, якобы, отрицаетъ и уничтожаетъ. И, притомъ, даже изъ буржуазной то культуры наслѣдуются и копируются какъ разъ самыя худшія, отрицательныя стороны, съ которыми ея лучшіе люди всегда боролись, какъ съ злѣйшими пороками. Я не буду, покуда, вдаваться въ статистику неисчислимо бѣгающихъ по Питеру Алкивіадовыхъ собакъ съ отрубленными хвостами, — темы, болѣе жгучія и близкія, требуютъ скорѣйшаго вниманія и разсмотрѣнія, чѣмъ эта, случайно меня отвлекшая сегодня. Отмѣчу лишь, что всѣ эти бѣдные псы, тщетно ожидающіе своихъ Алкивіадовъ, превосходно откликаются на общую для нихъ во всѣхъ культурныхъ областяхъ, — въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ, театрѣ, педагогикѣ, образованіи, воспитаніи, — кличку „Культура".

(Продолженіе слѣдуетъ).